

«Непротивление», «проповедничество» и «толстовство» как мифологемы толстовского мифа в творчестве М. Горького

Курьянова Валерия Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.
Россия, г. Симферополь. ORCID: 0000-0001-7570-1926. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

Аннотация. Миф о Л. Н. Толстом – неомиф, сложившийся еще при жизни писателя из константных представлений о его личности, жизни и творчестве, которые в силу их повторяемости у разных авторов и в разных произведениях мифологизируются в общественном сознании. Толстовский миф активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX века в период популяризации духовного наследия писателя. Анализируется структура биографического мифа, выявляются свойственные ему мифологемы.

В творчестве М. Горького три разных, но тесно взаимосвязанных константных мифологизированных представления (мифологемы) толстовского мифа: «Толстой-проповедник», «непротивление злу насилием» и «толстовство», вошедших еще при жизни писателя в российское общественное сознание, занимают значительное место.

В данной статье показывается, как усваиваются и интерпретируются в произведениях М. Горького эти важные для толстовского мифа устойчивые мифологизированные представления.

Учитывая постоянный и неизменный интерес Горького к Толстому и обращение «пролетарского писателя» в своих произведениях к толстовскому проповедничеству и непротивленчеству как формам общественной позиции и к толстовству как идеологии и общественному движению, которые в общественном сознании приобрели формы мифологем, можно утверждать, что эти знаковые явления имеют, по суждениям Горького, в основном отрицательную коннотацию. Но писатель не только использует эти мифологемы в качестве иллюстраций ошибочности толстовских идей, но и, развивая их, добавляя им новые черты и смыслы, утверждает их мифологичность, закрепляя в читательском сознании.

Ключевые слова: толстовский миф, толстовство, проповедничество, Л. Толстой, М. Горький.

С юных лет для М. Горького Л. Н. Толстой был писательским и нравственным ориентиром. Будущий «пролетарский писатель» искал встречи с ним, хотел организовать со своими единомышленниками толстовскую колонию, совершал паломничество и в Ясную Поляну, и в дом Толстого в Хамовниках. В многочисленных воспоминаниях и автобиографических произведениях Горького обязательно упоминается, как рассказчик читает книги Толстого. К тому же не только сам герой, но и встречающиеся на его пути люди меряют писательский дар по дару яснополянского мыслителя. Так в произведениях Горького складывается миф о Толстом, продолжающий и отчасти трансформирующий мифологизированные представления о нём предшественников и современников.

Миф о Л. Н. Толстом – неомиф, биографический миф (наряду с пушкинским [14; 22], лермонтовским [15], ломоносовским [1], гоголевским [21] и т. п.), сложившийся еще при жизни писателя и мыслителя из константных представлений о его личности, жизни и творчестве, которые в силу их повторяемости у разных авторов и в разных произведениях мифологизируются в общественном сознании [16, с. 29–30].

Три разных, но тесно взаимосвязанных константных мифологизированных представления (мифологемы) толстовского мифа: «Толстой-проповедник», «непротивление злу насилием» и «толстовство», вошедших еще при жизни писателя в российское общественное сознание, занимают в творчестве Горького значительное (если не главное) место.

Цель данной статьи – показать, как усваиваются и интерпретируются в произведениях М. Горького эти важные для толстовского мифа устойчивые мифологизированные представления.

Но начинать, видимо, следует всё-таки с истоков – с желания Толстого создать новую религию, что зафиксировано в его дневниковой записи, сделанной в марте 1855 года во время Крымской войны, и с посетившего его в арзамасской гостинице в одну из ночей в начале сентября 1869 года ужаса, связанного с пониманием бессмысленности собственного существования, так называемого «арзамасского ужаса». И если первый эпизод стал достоянием публики только с публикацией записей из его дневников И. И. Бирюковым и в общественном сознании не закрепился в связи с тем, что в первые годы Советской власти любая религия подвергалась остракизму, то история с «арзамасским ужасом» была сама поведена Толстым при жизни в момент так называемого нравственного кризиса и мифологизировалась. В этих двух известных фактах жизни великого писателя – истоки его проповедничества, непротивленчества и толстовства. И мифологема «арзамасского ужаса» неоднократно появляется в творчестве М. Горького: например, в повести «Всё то же» (1915) [3, с. 418] и в очерке о Л. Андрееве (1919) [7, с. 340].

Мысль о Толстом-проповеднике является одной из значимых в знаменитом горьковском очерке о великом писателе. Она является следствием размышлений о противоречивости личности писателя, о борьбе двух начал в нём – мысли и художественного творчества. И побеждающая творческую одарённость мысль доводит Толстого до отрицания искусства, то есть до отрицания своего собственного дара, что не может нравиться Горькому и во что поэтому он не может поверить до конца. Противоречивость и сложность характера Толстого он видит упрощённо, уверенный, что великий художник всегда и во всём побеждает религиозного проповедника («гениальный художник Толстой смотрел на упрямого проповедника Толстого, снисходительно улыбаясь, насмешливо покачивая головою» [9, с. 364]), опровергая миф о натуральности проповедничества Толстого и поддерживая тем самым миф о гениальном (великом) писателе в нём.

Миф о религиозном проповеднике Толстом поддерживает повесть «Исповедь» (1908) Горького. Так же как и в «Исповеди» (1882) Толстого, здесь отражены поиски смысла жизни рассказчиком. Но если Толстой анализирует свой путь и свои искания, то в произведении Горького исповедующимся является вымышленный герой Матвей. В своих поисках Толстой приходит к тому, что «если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь» [19, с. 32]. Великий русский мыслитель начинает находить истину благодаря «странной физической любви к настоящему рабочему народу» [19, с. 32].

Горький же решает вопрос иначе. Матвей (как и рассказчик у Толстого) ищет веру, проходит похожий путь: от безусловного следования обрядам православной церкви через искушение материальным благополучием светской жизни, через монашество к тому, что Горький обозначает как «богостроительство». Конечно, герой близок личному духовному поиску автора, но всё же такая попытка создать дистанцию, не характерная для исповедального жанра, даёт возможность Горькому обозначить неопределённость положения человека того времени в целом. Рассказчик Толстого, открывая читателю свои собственные сомнения и выбор, поднимается до общечеловеческого, вечного, а не просто социально-политического. В этом во многом отличия художественных миров этих писателей не только в конкретных одноименных произведениях, но и в целом: их картины мира не близки. Так или иначе роль «религиозного проповедника» (по выражению Г. В. Плеханова) [18, с. 328] Горький не выдерживает, в отличие от Толстого, для которого «Исповедью» начинается вхождение в эту роль. И, примеряя на себя рясу проповедника, младший современник подчёркивает величие проповедничества старшего, мифологизирует его.

По Горькому, для Толстого всегда, в любом разговоре было существенным подчеркнуть необходимость придерживаться тех мыслей, тех принципов, которые он считал особенно важными. Таковым являлся принцип непротивления злу насилем, который также заметно мифологизирован Горьким, как, впрочем, и многими другими современниками Толстого.

В горьковской повести «Всё то же» в речах главного героя Смагина (прообраз будущего Самгина) позиция Толстого-мыслителя расценивается как просветительская и истинная. Но, взяв великого русского писателя в авторитеты, герой не может отстоять своё мнение даже перед родным ему по духу портным Щукиным, потому как, по словам последнего, «предводительствуют» у Толстого мысли (то есть мудрствование), а человеческого (живого, необходимого в повседневной жизни) мало [3, с. 411]. Недостаточное понимание своей позиции, её неукоренённость, неумение её отстоять и даже в какой-то мере утеря этой позиции приводит

героя к пассивности, незащищенности от влияний разных людей, и в конце концов он оказывается «между двух непримиримых мироощущений, одно – покорствуется тайнам жизни, другое – стремится познать их; одно – жаждет покоя, хочет видеть человека праведником во что бы то ни стало, другое – ускоряя движение жизни силами воли и разума, воспитывает человека борцом за его власть над планетой; одно – верит в чудо и ждет его, другое – создает истину» [3, с. 424]. И Толстой в этих бинарных оппозициях младшего современника оказывается вовсе не деятельной натурой, а покорным праведником, верящим в чудо. Поэтому и толстовский миф интерпретируется не с позиций Смагина и Толстого, а с позиций Горького и Ницше – с верой в превосходство индивидуума над миром, фокусируя внимание читателя на мифологеме слабости и недейственности толстовства. В представлении Горького смагинская пассивность зиждется на учении Толстого о непротавлении злу насилием.

Эта мысль доказательно утверждается младшим писателем в десятой сказке цикла «Русские сказки» (1912). «Добродушный» герой этого произведения – горьковское утверждение оторванности толстовской идеи непротавления от жизни. Решил человек не сопротивляться злу, а, так как был не без характера, стал одолевать зло терпением, «сидит и терпит» [10, с. 211]. Доложили Игемону, что появился такой человек. Правитель привык к постоянно-му сопротивлению людей и, конечно, к усмирению этого сопротивления, поэтому очень удивился и решил испытывать героя. Но тот прошел все испытания, и Игемон, убедившись в искренности намерений человека, разрешил ему проповедовать учение среди других жителей. В результате все люди приняли теорию непротавления злу насилием, легли и лежат, абсолютно бездействуя, пожираемые насекомыми. Остался правитель один, а «исторически необходимо, национально неизбежно» революцию делать, но одному это не под силу. «Так все молча и примерли, а отчаявшийся Игемон – после всех. Из чего следует, что даже и в терпении должна быть соблюдаема умеренность» [10, с. 216]. Доведя до крайности мифологему о «непротавлении злу силою», Горький критикует пассивность непротавленцев, будучи уверенным вслед за Лениным в необходимости волевого усилия. И, хотя гуманизм как философская позиция есть плод человеческой эволюции и сам в себе имеет смысл, автор убежден, что в тяжёлые времена, когда важно действие, гуманизм становится тем равным пассивности тормозом, который не даёт возможности общественного развития.

Критика интеллигенции с помощью использования другой, но вмещающей в себя толстовство как основу мифологемы «Лев Толстой – зеркало русской революции» представлена Горьким в хронике «Городок Окуров» (1909). Как известно, В. И. Ленин в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908) создал мифологему о непонимании Толстым при всей его гениальности ни сути рабочего движения, ни самой революции [17]. Горький использует ленинское прочтение Толстого, обрисовывая уездную глушь. Писатель предлагает целую галерею персонажей, пребывающих в пассивном состоянии. А утверждает такую аморфную позицию идеолог городка доктор Ряхин, основываясь на вульгарно понимаемом им учении Льва Толстого: «Сидите смирно, читайте Льва Толстого, и – больше ничего не нужно! Главное – Толстой: он знает, в чем смысл жизни, – ничего не делай, всё сделается само собой, к счастью твоему и радости твоей. Это... замечательнейший и необходимейший философ для уездных жителей» [4, с. 71].

После выхода рассказа «В степи» (1897) наряду с восторженными откликами Горький получил и критические замечания (см.: С.-Петербургские ведомости. 1900. № 287. 19 окт.): в произведении увидели умышленное проведение идей толстовства, отрицательное изображение интеллигенции (именно «студент» грабит и убивает столяра) и отсутствие в рассказе свойственного прозе М. Горького «духа протеста».

Критика, видимо, возымела действие, поскольку уже в пьесе «Враги» (1906) писатель представляет ряд сочувствующих рабочим интеллигентов, среди которых – помещик Захар Бардин, чувствующий необходимость перемен, понимающий, что на заводе нужно проводить иную политику, что время жесткого управления ушло, но вот как это сделать, он не знает. Однако жалость к народу, сочувствие его положению вызывают неприятие философии рабочего Ефима Левшина: «...ты, Левшин, что-то там проповедуешь... какое-то новое учение – не нужно денег, не нужно хозяев и прочее... Это простительно... т. е. понятно у Льва Толстого, да... Ты бы, мой друг, прекратил это! Из таких разговоров ничего хорошего для тебя не будет» [2, с. 522–533]. Мифологема толстовства интерпретируется здесь Горьким с максимальной точностью: идеи опрощения вполне логичны в трудах графа, интеллигента, помещика, но установка бедного ткача на руководство в жизни не «медной копеей», не личным обогащением,

а отказом от жизненных благ, выглядят, с точки зрения Бардина, более чем странно. Толстовство для Горького, как, впрочем, и для многих радикально мыслящих людей, несомненно, было проблемой социальной.

Мифологема толстовства в её негативном восприятии присутствует и в очерке «И. Е. Каронин-Петропавловский» (1911). Несмотря на несомненный автобиографизм произведения, рассказчик и второстепенные персонажи вполне типичны для конца XIX века. Увлеченность самого Горького идеями Толстого и желание создать коммуну со своими единомышленниками вполне обыденны для того времени. Также понятен и образ толстовца, приехавшего в Нижний Новгород «с целью пропаганды нового учения». Молодой образованный парень внешне всячески старался играть роль опрощенного: оделся соответствующе, использовал просторечия в общении, «играл роль простого мужичка с хорошей выдержкой и не без любви к делу» [6, с. 76]. Но истинная сущность проповедника быстро раскрылась: в споре он стал бросаться научными терминами и выдал весь свой интерес к учительствованию. «В учителя он записался не потому, должно быть, что людей жалко и добра им хочется, а потому, что приятно для него учить людей. Холодная душа», – резюмирует Каронин» [6, с. 78]. Вывод Горького о том, что именно такие последователи Толстого впоследствии становились зачастую самыми яркими критиками «яснополянского старца», подтверждает эти слова. Цель очерка, вышедшего в первой редакции под заглавием «Учитель», – показать настоящих писателей, для которых правда, честность, ясность были основополагающими жизненными приоритетами, то есть таких, как Каронин. Поэтому используемая здесь мифологема толстовства подчёркивает отсутствие искренности среди, казалось бы, внешне очень увлеченных людей и последователей философии Л. Толстого.

Как и в очерке, посвященном Каронину, в рассказе «Три дня» (1912) также ставится проблема учительствования. Молодой крестьянин Николай Назаров ищет того, кто бы его научил, как выйти из опостылевшей жизненной парадигмы отца-мельника: обогащение в тяжелом труде, жесткое давление на близких и компаньонов и, как следствие, ненависть к семье всей округи. Тогда и встречается ему помещик Будилов, который берётся воспитывать его, глуповатого парня. Но всё не так просто: помещик между делом желает заработать в будущем на возможной сделке с ним по покупке-продаже земли. С одной стороны, барин учит многому и немаловажному: правильно произносить слова, не чавкать во время еды, пытается приобщить героя к чтению («Больше всего читайте Толстого, но – будьте осторожны! Когда он говорит: не насильничайте, не обижайте друг друга – это верно, это – голос настоящей христианской культуры, это надо принять и помнить. <...> Но – его крик: не надо государства, не надо науки – это чепуха! Без науки теперь сапога не шьют, а без государства вы мне, сударь, голову откусите» [12, с. 99–100]). А вот с другой стороны, Будилов использует идеи толстовства в своих интересах, никак не считаясь ни с природой Николая, ни с его желаниями. Зародив сомнение в душе крестьянина, растравив душу картинками скорого счастья, а потом и возможностью его не получить (поскольку появился другой покупатель земли), помещик фактически подталкивает Назарова к убийству (хоть и не прямому) собственного отца. Мифологема толстовства тут формируется автором не просто с привычным ироничным оттенком, а приобретает ярко выраженную отрицательную коннотацию.

В рассказе «Сторож» (1922), вспоминая рассуждения некоего толстовца о Дарвине и Евангелии, герой произведения Пешков в разговоре с Е. П. Баженовым поднимает давно мучающий его вопрос выбора между необходимостью борьбы за жизнь в обществе и жалости человека к человеку. Собеседник ответил вполне определенно: «Я думаю, что гуманизм уже опоздал войти в жизнь, – опоздал тысячи на две лет» [11, с. 158], то есть должен был появиться еще до рождения Христа, но не случилось. Для Горького вопрос толстовства как явления давно опоздавшего решен, не время для милосердия в эту эпоху, а время для борьбы, общественного противостояния.

В повести «Мои университеты» (1922) рассказчик повествует, как увлекшись идеями толстовства, но не вполне разобравшись в них, думал найти ответы у появившегося в городе толстовца, некоего Клопского – «высокого, жилистого человека, смуглолицего, с черной бородой козла и толстыми губами негра». Уже во внешности было мало приятного, но это героя поначалу не смутило, но затем он увидел что-то «ненавидящее» в «остром взгляде» толстовца и пришел к выводу, что Клопский из тех, кто готов ради «милосердия к людям резать их и жечь на кострах» [8, с. 74]. Правда, всё оказалось гораздо прозаичнее. В конце концов выяснилось, что Клопский признался в любви поочередно двум сестрам, за что был изгнан из их дома, и «проповедник любви» пропал из города.

Тем не менее при всём критическом отношении к толстовству к началу 1930-х годов Горький корректирует свои взгляды, и мифологема получает новые семантические уточнения. В пьесе «Достигаев и другие» (1933) толстовство расценивается автором уже как возможная ступень к большевизму. Так, большевик Рябинин, характеризуя лесника Доната, утверждает: «Продумал, пропустил сквозь себя кучу вреднейшей ерунды и – достиг настоящей правды. Во Христа веровал, в хозяев и царей, во Льва Толстого. “Для бога жил – толка не вышло, говорит, теперь попробую для бедных людей жить”» [5, с. 94]. Герой, таким образом, ушёл от монархизма и через постижение Толстого пришёл к большевистским взглядам, то есть, по мысли автора, проделал путь человека, искренне стремящегося помочь простым людям.

Справедливости ради стоит заметить, что образ жизни многочисленных последователей Толстого мало соответствовал их проповедям, поэтому писатель чувствовал опасность превращения толстовства в секту. Известно, что в 1892 году, когда к нему обратились с просьбой собрать единомышленников, Толстой ответил, что «такое внешнее единение... по всем вероятностям, только разъединит тех, <которые> этим способом затеют единяться», «не есть ли это единение с десятками – разъединение с тысячами и миллионами»? [20, с. 240–241]. Любовь Гуревич вспоминала, что приблизительно в это же время, в период ее пребывания в Ясной Поляне, кто-то сообщил, что в газетах говорят о предполагаемом съезде толстовцев. Реакция Толстого была насмешлива и отрицала всякую организацию: «Вот отлично!.. Явимся на этот съезд и учредим что-нибудь вроде Армии спасения. Форму заведем – шапки с кокардой. Меня авось в генералы произведут. Маша портки синие мне сошьет...» [13, с. 42].

Таким образом, учитывая постоянный и неизменный интерес Горького к Толстому и обращение «пролетарского писателя» в своих произведениях к толстовскому проповедничеству и непротивленчеству как формам общественной позиции и к толстовству как идеологии и общественному движению, которые в общественном сознании приобрели формы мифологем, можно утверждать, что эти знаковые явления имеют, по суждениям Горького, в основном (или большей частью) отрицательную коннотацию. Но писатель не только использует эти мифологемы в качестве иллюстраций ошибочности толстовских идей, но и, развивая их, добавляя им новые черты и смыслы, утверждает их мифологичность, закрепляя в читательском сознании.

Для Горького отказ Толстого от художественного творчества, переход к публицистике, проповедничество, которое, по мысли Толстого, способно переубедить человека и взрастить человека нового, не понятны, поскольку для Горького воспитание в себе самом ницшеанского сверхчеловека, действенность в достижении собственных интересов без оглядки на ближнего до поры до времени являются едва ли не главными. А в дальнейшем постепенно вовлечённый в революционную борьбу Горький видит в непротивленчестве и толстовстве отказ от достижения всеобщего счастья и благоденствия.

В то же время Горький не выхолащивает из этих мифологем их гуманистический смысл. И по мере взросления чем более он осмысливает прошлое, тем значительнее становится в его восприятии гуманистическая сущность толстовских идей. Так, несмотря на гонения, которым подвергаются толстовцы, писатель дополняет мифологему толстовства значением, которое подчеркивает насущную необходимость гуманистической составляющей для любого революционного действия.

Список литературы

1. Абрамзон Т. «Ломоносовский текст» русской культуры: избранные страницы. М. : ОГИ, 2011. 240 с.
2. Горький М. Враги. Сцены // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 7. Пьесы, драматические наброски. 1897–1906. М. : Наука, 1970. С. 485–564.
3. Горький М. Все то же // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 11. Повести, рассказы, очерки, стихи. 1907–1917. М. : Наука, 1971. С. 354–424.
4. Горький М. Городок Окуров // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 10. Городок Окуров. Жизнь Матвея Кожемякина. Наброски. 1909–1911. М. : Наука, 1971. С. 5–122.
5. Горький М. Достигаев и другие // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 19. Пьесы, сценарии, драматические наброски. 1917–1935. М. : Наука, 1973. С. 61–126.
6. Горький М. И. Е. Каронин-Петропавловский // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 11. Повести, рассказы, очерки, стихи. 1907–1917. М. : Наука, 1971. С. 63–83.
7. Горький М. Леонид Андреев // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 313–357.

8. Горький М. Мои университеты // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 7–137.
9. Горький М. О С. А. Толстой // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 358–376.
10. Горький М. Русские сказки // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 12. Сказки, рассказы <Автобиография Ф. И. Шаляпина>. 1909–1917. М. : Наука, 1971. С. 167–239.
11. Горький М. Сторож // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 138–166.
12. Горький М. Три дня // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 11. Повести, рассказы, очерки, стихи. 1907–1917. М. : Наука, 1971. С. 84–158.
13. Гуревич Л. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2 / сост., подготовка текста и коммент. Н. М. Фортунатова. М. : Худож. лит., 1978. С. 41–49.
14. Заидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001. 245 с.
15. Кудряшова А. А. Лермонтовский миф в русской литературе : дис. ... канд. наук. М. : МГУ, 2007. 137 с.
16. Курьянов С. О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография. М. : ИНФРА-М, 2019. 312 с.
17. Ленин В. И. О литературе и искусстве / сост. Н. И. Крутикова. М. : Худож. лит., 1979. 827 с.
18. Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 326–438.
19. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 23. Произведения 1879–1884 / подготовка текста и комм. Н. Н. Гусева. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 515–537.
20. Толстой Л. Н. Письмо И. Б. Файнерману от 4 августа 1892 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 66. Письма 1891 (июль–декабрь) – 1893. М. : Худож. лит., 1953. 536 с.
21. Цыпуштанова М. А. Гоголевский текст в современном культурном пространстве // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 186–192.
22. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периода : дис. ... д-ра наук. М. : МГУ, 2011. 318 с.

"Non-resistance", "preaching" and "Tolstoyism" as mythologems of the Tolstoy myth in the works of M. Gorky

Kuryanova Valeria Viktorovna

PhD in Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.
Russia, Simferopol. ORCID: 0000-0001-7570-1926. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

Abstract. The myth of Leo Tolstoy is a neo-myth that developed during the writer's lifetime from constant ideas about his personality, life and work, which, due to their repetition in different authors and in different works, are mythologized in the public consciousness. The Tolstoy myth has been actively developing for a century and a half, but it gets especially relevant at the beginning of the XX century during the popularization of the spiritual heritage of the writer. The structure of the biographical myth is analyzed, the mythologems peculiar to it are revealed.

In the works of M. Gorky there are three different, but closely interrelated constant mythologized representations (mythologems) of Tolstoy's myth: "Tolstoy the Preacher", "non-resistance to evil by violence" and "Tolstoyism", which entered the Russian public consciousness during the writer's lifetime, occupy a significant place.

This article shows how these stable mythologized representations, important for Tolstoy's myth, are assimilated and interpreted in the works of M. Gorky.

Taking into account Gorky's constant and unchanging interest in Tolstoy and the appeal of the "proletarian writer" in his works to Tolstoy's preaching and non-resistance as forms of public position and to Tolstoyism as an ideology and social movement, which in the public consciousness have acquired the forms of mythologies, it can be argued that these iconic phenomena have, according to Gorky's judgments, mainly a negative connotation. But the writer not only uses these mythologems as illustrations of the fallacy of Tolstoy's ideas, but also, developing them, adding new features and meanings to them, asserts their mythologicity, fixing them in the reader's consciousness.

Keywords: Tolstoy myth, Tolstoyism, preaching, L. Tolstoy, M. Gorky.

References

1. Abramzon T. "Lomonosovskij tekst" russkoj kul'tury: izbrannye stranicy ["Lomonosov text" of Russian culture: selected pages]. M. OGI. 2011. 240 p.
2. Gor'kij M. Vragi. Sceny [Enemies. Scenes] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 7. P'esy, dramaticheskie nabroski. 1897–1906 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 7. Plays, dramatic sketches. 1897–1906]. M. Nauka (Science). 1970. Pp. 485–564.

3. Gor'kij M. Vse to zhe [All the same] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 11. Povesti, rasskazy, ocherki, stihi. 1907–1917 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 11. Novellas, short stories, essays, poems. 1907–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 354–424.
4. Gor'kij M. Gorodok Okurov [The town of Okurov] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 10. Gorodok Okurov. Zhizn' Matveya Kozhemyakina. Nabroski. 1909–1911 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 10. The town of Okurov. The life of Matvey Kozhemyakin. Sketches. 1909–1911]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 5–122.
5. Gor'kij M. Dostigaev i drugie [Reach and others] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 19. P'esy, scenarii, dramaticheskie nabroski. 1917–1935 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 19. Plays, scripts, dramatic sketches. 1917–1935]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 61–126.
6. Gor'kij M. I. E. Karonin-Petropavlovskij [I. E. Karonin-Petropavlovskij] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 11. Povesti, rasskazy, ocherki, stihi. 1907–1917 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 11. Novellas, short stories, essays, poems. 1907–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 63–83.
7. Gor'kij M. Leonid Andreev [Leonid Andreev] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 313–357.
8. Gor'kij M. Moi universitety [My universities] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 7–137.
9. Gor'kij M. O S. A. Tolstoj [About S. A. Tolstoy] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 358–376.
10. Gor'kij M. Russkie skazki [Russian fairy tales] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 12. Skazki, rasskazy <Avtobiografiya F. I. Shalyapina>. 1909–1917 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 12. Fairy tales, stories <Autobiography of F. I. Shaliapin>. 1909–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 167–239.
11. Gor'kij M. Storozh [The watchman] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 138–166.
12. Gor'kij M. Tri dnya [Three days] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 11. Povesti, rasskazy, ocherki, stihi. 1907–1917 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 11. Novellas, short stories, essays, poems. 1907–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 84–158.
13. Gurevich L. Iz vospominanij o L. N. Tolstom [From the memoirs of L. N. Tolstoy] // L. N. Tolstoj v vospominaniyah sovremennikov : v 2 t. T. 2 – L. N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2 / comp., text preparation and commentary by N. M. Fortunatov. M. Hud. lit. (Fiction). 1978. Pp. 41–49.
14. Zagidullina M. V. Pushkinskij mif v konce XX veka [Pushkin's myth at the end of the twentieth century]. Chelyabinsk. 2001. 245 p.
15. Kudryashova A. A. Lermontovskij mif v russkoj literature : dis. ... kand. nauk [Lermontov myth in Russian literature : dis. ... PhD in Sciences]. M. MSU. 2007. 137 p.
16. Kur'yanov S. O. Tajnyj klyuch russkoj literatury: formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoj literature X–XIX vekov : monografiya [The secret key of Russian literature: the formation and formation of the Crimean text in Russian literature of the X–XIX centuries : monograph]. M. INFRA-M. 2019. 312 p.
17. Lenin V. I. O literature i iskusstve [On literature and art] / comp. N. I. Krutikova. M. Hud. lit. (Fiction). 1979. 827 p.
18. Plekhanov G. V. O tak nazyvaemyh religioznyh iskanijah v Rossii [On the so-called religious searches in Russia] // Plekhanov G. V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya : v 5 t. T. 3 [Selected philosophical works : in 5 vols. Vol. 3]. M. State Publishing House of Political Literature. 1957. Pp. 326–438.
19. Tolstoj L. N. Isповед' [Confession] // Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. T. 23. Proizvedeniya 1879–1884 [Complete collected works : in 90 vols. Vol. 23. Works of 1879–1884] / preparation of the text and commentary by N. N. Gusev. M. State Publishing House of Fiction. 1957. Pp. 515–537.
20. Tolstoj L. N. Pis'mo I. B. Fajnermanu ot 4 avgusta 1892 g. [Letter to I. B. Finerman dated August 4, 1892] // Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. T. 66. Pis'ma 1891 (Ijul'–Dekabr') – 1893 [Complete collected works : in 90 vols. Vol. 66. Letters 1891 (July–December) – 1893]. M. Hud. lit. (Fiction). 1953. 536 p.
21. Cypushtanova M. A. Gogolevskij tekst v sovremennom kul'turnom prostranstve [Gogol's text in the modern cultural space] // Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti : materialy X Vseros. nauch. konf. – Dergachevsky readings – 2011. Russian Literature: National Development and Regional peculiarities : materials of the X All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg. 2012. Vol. 1. Pp. 186–192.
22. Shemetova T. G. Biograficheskij mif o Pushkine v russkoj literature sovet'skogo i postsovet'skogo perioda : dis. ... d-ra nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet period : dis. ... Doctor of Sciences]. M. MSU. 2011. 318 p.